

EUROPE IN CRISIS: AN AGENDA FOR PEACE

Matthew Parish

Viewed through the lens of history, Europe has never been an easy place to maintain the peace. A lazy scholarly temptation might be to focus excessively upon the apparent armistice between rival Great Power interests in the aftermath of the Second World War, premised upon an uneasy compromise of territorial domination pragmatically drawn between Churchill and Stalin on the fringes of the Fourth Moscow Conference in 1944. Regrettably, Roosevelt was excluded from the crude geographical division of territorial spheres of influence that perhaps the twentieth century's two most Realist statesmen agreed when, according to Churchill, he proposed a series of divisions of influence in various countries in eastern Europe and Stalin apocryphally agreed by marking the handwritten document with a tick.

To the extent that this document had binding force, it was not by virtue of the reciprocal honour and respect of its draftsmen. Rather it was motivated by the mutual threat of nuclear annihilation. Perhaps the only positive externality of the Cold War was that borders were respected, and the peace preserved,

ЕВРОПА ОХВАЧЕНА КРИЗИСОМ: ПРОГРАММА УСТАНОВЛЕНИЯ МИРА

Мэтью Пэриш

Если мы посмотрим сквозь призму истории, то увидим, что сохранение мира в Европе всегда было трудной задачей. При инертном научном подходе могло бы возникнуть искушение сконцентрироваться на очевидном решении: окончательно примирить интересы противоборствующих Великих держав, возникшие как следствие Второй мировой войны в результате непростого, но прагматичного компромисса относительно территориального доминирования, достигнутого Черчиллем и Сталиным за кулисами Четвертой Московской конференции 1944 года. К сожалению, Рузвельт был исключен из процесса чисто географического раздела территориальных сфер влияния, проходившего между двумя, возможно, самыми здравомыслящими государственными деятелями 20-го века, когда, по словам Черчилля, он предложил несколько вариантов раздела сфер влияния в различных странах Восточной Европы, а Сталин выразил свое согласие, якобы поставив на написанном от руки документе галочку.

То, что этот документ имел определенную обязательную силу, объяснялось отнюдь не взаимным уважением его авторов или тем, что они являлись людьми чести. Скорее, это было продиктовано взаимной угрозой ядерного уничтожения. Пожалуй, единственным

because geopolitical rhetoric was so severe that all parties feared devastating nuclear warfare of such magnitude that everyone would be destroyed.

But Europe's peace was not always kept in so logically rigid a fashion. The Westphalian Peace, that concluded decades of intermittent conflict between city-states by seeking to cement an international legal concept of territorial sovereignty into European international relations, did not finally achieve effective fruition without the threat of nuclear holocaust. Between the Treaty of Westphalia in 1648 and the First World War, Europe suffered from over 150 wars and conflicts. Europe's borders are fundamentally disputed, and they always have been. It is replete with diverse national and ethnic interests, and it is unfortunate to observe that there is always a potential for conflict as a seemingly natural extension of their recurrent political confrontations.

In this sense, Europe is unusual. A number of particularly successful powers have rubbed together far too closely, such that there is no one perennially dominant Great Power exercising suzerainty over the European landmass. At different times the Spanish, French, Germans, Americans and Russians have all exercised dominant spheres of influence over substantial parts of the European continent in a fashion that defies the Westphalian paradigm. As the authority of one continental empire has waned, another has waxed. Ever since the decline and fall of

положительным внешним последствием Холодной войны было то, что границы соблюдались, и мир сохранялся, потому что геополитическая полемика была настолько жесткой, что все стороны боялись разрушительной ядерной войны таких масштабов, что уничтожены были бы все.

Однако мир в Европе не всегда поддерживался таким логически строгим образом. Вестфальский мирный договор, положивший конец десятилетиям периодических конфликтов между городами-государствами и попыткой закрепить международную правовую концепцию территориального суверенитета в европейских международных отношениях, в конечном итоге, не принес эффективных результатов без угрозы ядерного уничтожения. В период между Вестфальским договором 1648 года и Первой мировой войной Европа пережила более 150 войн и конфликтов. Европейские границы принципиально спорны, и так было всегда. Регион перенасыщен национальными и этническими интересами, и очень прискорбно видеть, что всегда существует потенциал для конфликта, который кажется естественным продолжением периодически возникающей политической конфронтации.

В этом смысле Европа необычна. Несколько особенно успешных держав так плотно притерлись друг к другу, что не существует единственной постоянно доминирующей Сверхдержавы, которая бы выступала сюзереном на европейских землях. В разные времена испанцы, французы, немцы, американцы и русские занимали доминирующие позиции и имели влияние на значительных территориях европейского континента, пренебрегая при этом принципами Вестфальского мира. По мере того,

the Roman Empire, competition for European geographical and political dominion has proven inexhaustible and timeless.

This state of perpetual conflict was brought to a temporary conclusion at the end of World War Two because Europe had been destroyed. Therefore one external Great Power took temporary control over western Europe, while another - the Soviet Union - took control of the east. Therein lay the peace. The European Union was one of the offshoots of this unusual compact. The European Union was not an empire. It was a confederation of states that volunteered to pool sovereignty in the interests of mutual economic advantage. The traditional dynamics of mutual inter-state hostility, driven by a security dilemma in which each state fears that its neighbour may become more powerful than it and thereupon invade, became obsolete because the military dynamics of the Cold War guaranteed the peace. European states no longer needed to prioritise relative military and economic superiority compared to their neighbours. Instead they could focus upon joint pursuit of the common good, because their security interests were guaranteed - or at least, taken out of their hands - by the two Superpowers and the stability inherent in their rivalry.

This benign confederalist project of voluntary European economic integration fell into decline once the balance between Superpowers had been

как тускнел авторитет одной континентальной империи, другая начинала набирать силу. Со времен заката и падения Римской империи борьба за европейское географическое и политическое господство доказала свой неиссякаемый и бессрочный характер.

Это состояние вечного конфликта временно прекратилось по окончании Второй мировой войны, потому что Европа была разрушена. Поэтому одна Великая держава заполучила временный контроль над западной частью Европы, а другая, Советский Союз, - над Восточной Европой. В этом и заключался мир. Европейский Союз стал одним из ответвлений этого необычного договора. Европейский Союз не был империей. Он представлял собой конфедерацию государств, пожелавших добровольно объединить суверенитеты в общих экономических интересах. Традиционная динамика взаимной государственной враждебности, порождаемая дилеммой безопасности, в которой каждое государство боится, что его сосед может стать сильнее него и ввиду этого совершить вторжение, сошла на нет, поскольку военная динамика Холодной войны гарантировала мир. Европейским государствам больше не требовалось подчеркивать относительное военное или экономическое преимущество на фоне их соседей. Вместо этого они могли направить совместные усилия на создание общего блага, поскольку их интересы с точки зрения безопасности были защищены или, по крайней мере, были выведены из-под их контроля – двумя Сверхдержавами и благодаря стабильности, присущей их соперничеству.

Этот благодный конфедеративный проект добровольной европейской экономической интеграции пришел в упадок после того, как

disrupted upon dissolution of the Soviet Union. What became the Russian Federation went into temporary retreat. A whole society collapsed. For a decade or more, Russia ceased to be perceived as a credible military threat. The corollary of this was that the premise of European peace, namely mutually assured destruction, began to be undermined. For economic reasons, Russia disposed of many of its satellites, that became independent. A number of them dissolved into traditional European wars of a kind not seen during the Cold War.

The confederalist premise of European integration also collapsed at the same time. The European project began to acquire understandable, if unfamiliar, expansionist overtones. Degradation of the principle of sovereign unanimity in any further steps towards the pooling of sovereignty was first mooted in the Treaty of Maastricht, shortly after the end of the Cold War. Once unanimity was abandoned, confederalist voluntarism ceased to be a tenable axiom for the European project, since *ex hypothesi* majoritarian voting upon further stages of European integration meant that a plurality of larger countries had at least the potential to impose their will upon smaller ones. Moreover the distinction between European economic integration and sovereign security interests began gradually to erode. Eastern European member states rushed to join the European Union not purely because they anticipated economic growth but because they saw EU membership as a security umbrella. The roles of NATO and what is now called the European Union became ever less distinct. With the dissolution of rival Superpower threats of mutual destruction, the security dilemma returned and any step at economic integration began to be

равновесие между Сверхдержавами было нарушено в результате распада Советского Союза. То, что стало Российской Федерацией, перешло во временное отступление. Рухнуло целое общество. На десятилетие или даже более длительный срок Россия перестала восприниматься как источник серьезной военной угрозы. Вследствие этого основы европейского мира, т.е. взаимно гарантированное уничтожение, стали рушиться. По экономическим причинам Россия лишилась многих из своих сателлитов, которые приобрели независимость. Некоторые из них влились в традиционные европейские войны такого рода, каких не было во времена Холодной войны.

Конфедеративные основы европейской интеграции рухнули в то же время. Европейский проект стал приобретать понятный, хоть и незнакомый, экспансионистский оттенок. Деградация принципа суверенного единогласия при принятии любых решений по объединению суверенитетов впервые была вынесена на обсуждение в Маастрихтском договоре вскоре после окончания Холодной войны. После того как принцип единогласия был предан забвению, конфедеративный voluntarism перестал выполнять роль незыблемой аксиомы Европейского проекта, поскольку, согласно гипотезе, принятие решений относительно дальнейших этапов европейской интеграции посредством большинства голосов означало, что находящееся в руках более крупных стран большинство голосов, как минимум, создавало возможность того, что они будут навязывать свою волю более мелким странам. Кроме того, различие между европейской экономической интеграцией и суверенными интересами безопасности стало постепенно исчезать. Восточноевропейские государства-члены

refocused through the lens of a potentially revitalised military rivalry.

Were this logic to be followed to its conclusion, it might explain the angst currently experienced in Eastern Europe over the security threats perceived to be exerted by the Russian Federation. To understand what is happening in Ukraine, the Baltic States, Finland, and a host of other European buffer countries adjacent to Russia, it is necessary to twist one's mind almost to achieve the impossible and construe a sense of mutual miscomprehension. For the European Union, the principles of economic development mandate expansion of European values to the financial benefit of all. To some in the east, the same expansion could represent a threat since it potentially indicates a return to the security dilemma of relative military and economic power. The result is that Europe's edges are at risk of crumbling. Some fear that the Westphalian compact could be unravelling once again. That compact was always weakest in the east of Europe, because that region was dominated by Russia. The confederalist voluntarism underlying Westphalian and EU ideals was not so fortified in the East, because voluntarism assumes a stable balance of power and there was not one.

спешили войти в Европейский Союз не потому, что они ожидали экономического роста, а потому что видели в ЕС «зонти безопасности». Функции НАТО и того, что сейчас называется Европейским Союзом, стали еще менее различимыми. С исчезновением угроз взаимного разрушения, исходящих от противоборствующей Сверхдержавы, вернулась дилемма безопасности, и любой шаг в целях экономической интеграции стал рассматриваться через призму потенциального возрождения военного соперничества.

Если проследить эту логику до конца, то она, возможно, сможет объяснить витающую сейчас в Восточной Европе тревогу относительно угроз безопасности, которые, как считается, исходят от Российской Федерации. Для того чтобы понять, что происходит в Украине, Балтийских государствах, Финляндии и многих других европейских буферных странах, соседствующих с Россией, необходимо почти полностью перевернуть сознание для того, чтобы добиться невозможного и постичь смысл взаимного недопонимания. Для Европейского Союза принципы экономического развития предписывают распространение европейских ценностей для всеобщего финансового блага. Для некоторых на востоке такая экспансия может представлять угрозу, поскольку потенциально это может говорить о возврате дилеммы безопасности относительной военной и экономической мощи. В результате возникает риск того, что границы Европы могут осыпаться. Некоторые боятся того, что Вестфальский договор может опять перестать действовать. Действие этого договора на востоке Европы всегда было слабее, поскольку доминирующие позиции в этом регионе принадлежали России. Конфедеративный voluntarism, лежащий в основе идеалов

Вестфальского мира и ЕС, так и не был укреплен на востоке, поскольку волюнтаризм предполагает стабильное равновесие сил, а его не существовало.

In the post-Cold War world, a precarious balance has therefore been upset and a dangerous precedent is at danger of being established. Many European countries have latent historical border disputes that erupted after the shift in the balance of power that the post-cold War world entailed, and nobody quite knows how to resolve them. Appeals to Westphalian sovereignty have achieved little in South Ossetia, Crimea, Nagorno-Karabakh, Transdniestr, Abkhazia or Donbas, even where Westphalian principles were explicitly prescribed in the now neglected treaties formalising dissolution of the Soviet Union. This is not the first time that a confluence of international and domestic political forces have precipitated ethno-nationalist eruptions of violence or engagement of military force in the aftermath of collapse of a political federation. Yugoslavia, the Sublime Porte, Austria-Hungary and the British Empire all harbour illustrative equivalents in the history of their dissolutions. In some cases, as with the division of the Raj into India and Pakistan, the solutions were extremely bloody.

In the aftermath of the Cold War the general habit seems to have been tacitly to agree that disruptions are caused by the break-up of monopoly power are treated as frozen conflicts, in order to further a disquieted sense of palpably temporary peace. The “frozen conflict” model of resolving border disputes in the aftermath of federal collapse is, to put it mildly, controversial. In one sense it plays obviously into

Таким образом, после Холодной войны шаткое равновесие в мире было нарушено, и возникла угроза создания опасного прецедента. Между многими европейскими странами существуют давние вялотекущие споры о границах, которые обострились после сдвига в политическом равновесии, обусловленного окончанием Холодной войны, и никто, по сути, не знает, как можно эти споры урегулировать. Призывы к вестфальскому суверенитету мало что дали в Южной Осетии, Крыму, Нагорном Карабахе, Приднестровье, Абхазии или Донбассе, даже в тех случаях, когда вестфальские принципы были прямо прописаны в ныне игнорируемых соглашениях, которыми был оформлен роспуск Советского Союза. Это не первый случай, когда объединение международных и национальных политических сил провоцировало всплески насилия на этническо-националистической почве или вовлечение военных сил вследствие краха политической федерации. Югославия, Османская Империя, Австро-Венгрия и Британская империя – в истории распада всех этих государств имеются яркие тому примеры. В некоторых случаях, как при разделении Раджа на Индию и Пакистан, решения были чрезвычайно кровавыми.

После Холодной волны, кажется, выработалась общая привычка молчаливо соглашаться с тем, что сбои, вызванные распадом монополевой власти, считаются замороженными конфликтами для того, чтобы поддерживать тревожное ощущение очевидно временного мира. Модель «замороженного конфликта», используемая для урегулирования пограничных споров после

Russia's interests, since a country with a boundary dispute with its neighbour cannot under NATO's own rules join that organisation. Given the threat Russia perceives NATO to be, the strategic value to her of rendering borders of neighbouring states subject to frosty uncertainty is manifest. On the other hand, frozen conflicts are better than hot ones, as I can attest from my own experiences as a peacekeeper in the Balkans. No matter how unsatisfactory Bosnia and Herzegovina's current unwieldy government structure may be, it is immeasurably better than the wholesale neighbourly slaughter that engulfed the country in the first six months of the war beginning in 1992. 70% of the war's estimated 100,000 deaths took place during that early stage. The rest of the war was mostly stalemate. The final episode of mass atrocities, in July 1995 (including the Srebrenica massacre), took place when it became apparent that a peace was about to be externally imposed and hence ethnic cleansing suddenly acquired a perverse and revolting tactical urgency.

In light of this geopolitical conundrum, how do we go about resolving Europe's frozen conflicts, and unwinding of the latent crises we see engulfing Europe to an ever more alarming degree? This challenge might occupy the wisest of sages for millennia. But we do not have millennia. The arc of recent European history is bending in a distinctly disagreeable direction, as confrontation between heavily armed nuclear powers reappears as a

распада федерации, мягко говоря, неоднозначна. С одной стороны, она, совершенно очевидно, служит интересам России, поскольку страна, находящаяся в состоянии пограничного спора со своим соседом, согласно собственным правилам НАТО, не может стать ее членом. Учитывая ту угрозу, которую, как считает Россия, представляет НАТО, не вызывает сомнения стратегическая ценность для России покрытия границ соседних государств морозной неопределенностью. С другой стороны, замороженные конфликты лучше горячих, и я могу говорить об этом с твердой уверенностью, опираясь на свой опыт участия в миротворческой миссии на Балканах. В каком бы неудовлетворительном состоянии ни находилась существующая тяжеловесная структура государственного управления Боснии и Герцеговины, это неизмеримо лучше, чем массовая соседская резня, захлестнувшая страну в первые шесть месяцев войны начиная с 1992 года. 70% из установленных 100 000 жертв погибло именно на начальном этапе. Впоследствии война протекала в патовом режиме. Последний всплеск массовых кровопролитий, пришедшийся на июль 1995 года (включая резню в Сребренице), произошел, когда стало понятно, что в скором времени мир будет навязан извне, и тогда этнические чистки приобрели характер извращенной и физически тошнотворной безотлагательности.

Так как же, в свете этого геополитического парадокса, нам следует поступить, чтобы урегулировать замороженные конфликты в Европе и устранить состояние латентного кризиса, которое, как мы видим, заполняет Европу во все более тревожащих масштабах? Эта задача может стать предметом напряженной работы величайших умов на несколько тысячелетий. Но у нас нет в запасе тысячелетий. Дуга современной

recurrent concern of geopolitics. Yet frozen conflicts can be resolved, and some of them can be resolved relatively easily. If this can be achieved, then the dangers of nuclear confrontation, and the alarming rhetoric recently infecting international relations, might be defused. Resolution of frozen conflicts might be a prescribed medicine as a mutual confidence-building measure in a series of confrontations the genesis of which is the crisis of confidence created by the end of the Cold War. On some analyses, the Cold War was a comparatively a safe place. The post-Cold War world, with a renewed sense of Russian might and superiority, might be perceived as less so.

It is obvious to any realistic observer that some of the frozen conflicts existing in Europe are easy to solve, subject to domestic political pressures that can feasibly be defused. It would be imprudent, however, for any diplomat to state which ones are easy to resolve: for as soon as one were to identify a candidate conflict, it would immediately become irresolvable. The reason for this is obvious. Frozen conflicts are conflicts that nobody wants: otherwise they would not be frozen. The fact that they are frozen indicates a tension between states' genuine international interests and their domestic political imperatives which preclude the sort of patient negotiation characteristic of an honest broker, that mutual national interests suggest should not just not

европейской истории изгибается в явно неприемлемом направлении по мере того, как конфронтация между хорошо вооруженными ядерными державами вновь возвращается в качестве текущего вопроса повестки дня geopolitics. И, тем не менее, замороженные конфликты могут быть урегулированы, причем некоторые из них могут быть разрешены относительно легко. Если это может быть выполнено, тогда опасность ядерной конфронтации и тревожная полемика, отравляющая в последнее время международные отношения, могут быть ослаблены. Урегулирование замороженных конфликтов могло бы быть прописано в качестве лекарства, как мера по формированию взаимного доверия в ряде политических конфронтаций, возникших на фоне обусловленного окончанием Холодной войны кризиса доверия. По некоторому размышлению, Холодная война представляла собой относительно безопасное место. В то время как мир после Холодной войны, с возрожденным ощущением российской мощи и превосходства, таким не воспринимается.

Для любого прагматичного наблюдателя очевидно, что некоторые из существующих в Европе замороженных конфликтов легко урегулировать за счет ощутимого ослабления внутреннего политического давления. Однако со стороны любого дипломата было бы неосмотрительно указывать, какие именно конфликты можно легко разрешить: потому что как только будет назван конфликт-кандидат на урегулирование, он тут же станет неразрешимым. Причина очевидна. Замороженные конфликты – это конфликты, которые никому не нужны: иначе они не были бы заморожены. Тот факт, что они заморожены, указывает на наличие напряженности между истинными

be a frozen conflict but should not be a conflict at all. To negotiate or conduct diplomacy in public plays straight into the hands of the domestic political interests that render rational negotiation and alignment of sovereigns' strategic interests so intractable. Soon everyone is talking about principle. Multiple appeals by Great Powers to inconsistent and competing senses of unyielding principle are one of the many roads to Gomorrah in the conduct of international relations.

But look at the facts. Ukraine may look like one of the most intractable frozen conflicts: the Russians will not pull out of Crimea; one or more paramilitary governments are in place in the Donbas; the west's position is unbending. Nevertheless consider the following comments of UK Permanent Representative Matthew Rycroft to the UN Security Council:

... it is vital that all parties engage seriously in the process and implement the Minsk agreements. The Trilateral Contact Group, the Trilateral Working Groups are essential mechanisms for making this happen and their roles are clearly spelt out in paragraph 13 of the February Minsk agreement [setting out a peaceful resolution for the Donbas conflict in Ukraine]. We need all parties, both Russians and Ukrainians, to engage these groups in a genuine and constructive way.

международными интересами государств и их национальными политическими требованиями, что мешает проведению терпеливых переговоров добросовестным посредником о том, что из взаимных национальных интересов следует, что не только замороженного, но и вообще никакого конфликта быть не должно. Ведение публичных переговоров или дипломатии играет на руку национальным политическим интересам, которые делают рациональные переговоры и согласование стратегических интересов суверенов такими труднореализуемыми. И вскоре все начинают говорить о принципе. Частые обращения Великих держав к непоследовательным и противоречивым понятиям твердого принципа – одна из многих дорог, ведущих к Гоморре при выстраивании международных отношений.

Но посмотрим на факты. Украина может показаться одним из наиболее трудноразрешимых замороженных конфликтов: русские не уйдут из Крыма; в Донбассе - одно или несколько военизированных правительств; позиция запада непреклонна. Но, тем не менее, обратите внимание на следующие комментарии Постоянного представителя Великобритании при Совете безопасности ООН Мэтью Райкрофта:

«... жизненно важно, чтобы все стороны серьезно подошли к процессу и выполнили условия Минских соглашений. Трехсторонняя контактная группа, Трехсторонние рабочие группы являются важными механизмами достижения этой цели, и их функции четко прописаны в пункте 13 Февральского Минского соглашения [о мирном урегулировании донбасского конфликта в Украине]. Нам необходимо,

A return to violence and conflict would come with a terrible human cost for all sides, and it would represent a further attack on the rules-based international system that we have shared and valued for the past seventy years. We all depend on that system; enshrined in the Charter of the United Nations.

It is hard not to perceive these comments as realistic and wise. And now compare them with the statements of Russian Permanent Representative to the United Nations Vitaliy Churkin:

... nobody seems to be interested in freezing the conflict in the southeast of Ukraine, and instead wishes to leave its final viable settlement to the political will of its participants. In my opinion, the Ukrainian crisis is much easier to resolve than that in Syria.

The Security Council's support [for Minsk-II] is very important in itself, because it creates an international legal basis for peace that nobody can easily abandon, and indeed the parties' performance of their legal obligations must take place. In the adoption of the [Security Council's resolution on Minsk-II, supported by all P5 member states including the United Kingdom] the US delegation played a positive role, even though there were some very sharp disputes at the outset about whether such a resolution was appropriate at all.

чтобы все стороны – и русские, и украинцы – использовали эти группы истинным и конструктивным образом.

Возврат к насилию и конфликту обернется для всех сторон страшными человеческими жертвами, и это будет представлять собой очередной выпад против основанной на правилах международной системы, которую мы разделяли и ценили в последние семьдесят лет. Мы все зависим от этой системы, закрепленной в Уставе ООН».

Сложно не воспринимать этот комментарий как реалистический и мудрый. А теперь сравните его с высказываниями российского Постоянного представителя при ООН Виталия Чуркина:

...с одной стороны, никто вроде бы не заинтересован в замораживании конфликта на Юго-Востоке Украины, но для выхода на его окончательно жизнеспособное урегулирование нужна политическая воля его непосредственных участников.

Совет Безопасности поддержал, что само по себе очень важно, потому что он стал международно-правовой платформой урегулирования, от которой уйти уже сложнее, и, действительно, надо ее выполнять. И вот, в принятии этой резолюции американская делегация сыграла позитивную роль, хотя там были сначала очень острые споры в отношении того, что в резолюции надо записать. Однако потом она была принята практически в том виде, в котором мы хотели.

[On Minsk-II], there were discussions. And in the course of these discussions, the Security Council called for the implementation of the Minsk Agreements in full. This is our position.

Состоялись обсуждения. И в ходе этих обсуждений многие члены Совета Безопасности призвали к выполнению Минских договоренностей в полном объеме. Это соответствует нашей позиции.

Perhaps most revealingly, Churkin is noted to have observed:

Возможно, наиболее показательное следующее наблюдение Чуркина:

The language of diplomats is different from the language of politicians, and each of those is different from the language of soldiers at the front. This is nothing unusual. It does not follow that there is an insurmountable contradiction in substance. Warriors want to win. Diplomats are trying to smooth things over ... Politicians are somewhere in the middle, gaining political points on both ... diplomatic and military fronts.

Формулировки дипломатов всегда отличаются от формулировок политиков, а те и другие – от формулировок солдат на фронте. Здесь нет ничего необычного. И отсюда не следует, что есть непреодолимые противоречия по существу. Воины хотят победы. Дипломаты пытаются сгладить острые углы и формально закрепить то, что достигнуто военными без негативных последствий для своих государств. Политики находятся где-то посередине, набирая политические очки и зачастую меняя риторику в зависимости от ситуации на дипломатических или военных фронтах.

It is somewhat unusual, once the rhetoric is stripped away, to find such significant co-alignment of views between British and Russian Permanent Representatives to the United Nations. Sometimes diplomatic monologues must be read through special glasses. Once they are, the genuine strategic interest of ostensibly hostile parties might be revealed as substantially more co-aligned than one might think. Therein lies the skill of diplomacy: to perceive what the casual observer might overlook, because while the narrative is tailored to the domestic audience, the

Если опустить риторику, то обнаружится настолько значительное единодушие во взглядах британского и российского Постоянных представителей при ООН, что это может показаться несколько необычным. Иногда дипломатические монологи нужно читать в специальных очках. После такого прочтения истинные стратегические интересы казалось бы враждующих сторон могут оказаться более близкими, чем можно было бы подумать. В этом заключается мастерство дипломатии: видеть то,

international strategic interests may be quite different.

Now let us consider the terms of the Minsk II Peace Agreement. There are some real confidence-building measures in implementation of Minsk II. For all the mutual explosion of hostilities, the following casual observations are worth bearing in mind.

1. Some commentators neglect to note that that the Minsk II-prescribed immediate and full ceasefire in particular districts of Donetsk and Luhansk oblasts of Ukraine, and its strict fulfilment as of 00:00 midnight EET on 15 February 2015, was in fact complied with by both sides.

2. Minsk-II prescribed effective monitoring and verification of the ceasefire regime. There is no reason why this cannot be done. While the result of the world is focused elsewhere, the time may be right for the parties to engage constructively and rationally. This is often easier absent the glare of international publicity. Hence a lull in attention might transpire to be a glorious opportunity.

3. Minsk-II also mandated a dialogue to start on modalities of conducting local elections. This is eminently achievable. Nobody has tried to do it as propitiously as might be appropriate with effective neutral coordination. Local elections were done in Bosnia, and they worked. It can work elsewhere, particularly in an environment where ethno-religious hostilities are far less pronounced than they were in the Balkans.

что может остаться не замеченным обычным наблюдателем, потому что речи готовятся для национальной аудитории, а международные стратегические интересы могут быть совсем иными.

Теперь рассмотрим условия Второго Минского мирного соглашения. В Соглашении «Минск-II» заложен ряд реальных мер по формированию доверия. Несмотря на все взаимные вспышки враждебности, стоит иметь в виду следующие наблюдения, сделанные при беглом анализе:

1. Некоторые комментаторы отказываются принимать во внимание тот факт, что соглашение «Минск-II» предписывало незамедлительное и всеобъемлющее прекращение огня в отдельных районах Донецкой и Луганской областей Украины и его строгое выполнение, начиная с 00 ч. 00 мин. (восточноевропейское время) 15 февраля 2015 года, и что обе стороны на самом деле выполнили это требование.

2. Второе минское соглашение предписывало обеспечить эффективный мониторинг и контроль за соблюдением режима прекращения огня. Нет никаких причин, почему это не может быть сделано. Пока весь остальной мир сосредоточен на чем-то другом, самое время для сторон действовать конструктивно и рационально. Зачастую это делать проще вдаль от международных радаров. Соответственно, временное ослабление внимания может оказаться прекрасной возможностью.

3. Соглашение «Минск-II» также обязало начать диалог о модальностях проведения местных выборов. Это более чем достижимо. Никто не пытался делать это с подходящей случаю благосклонностью под надзором нейтральной стороны. Местные выборы проводились в Боснии,

и это сработало. Может сработать и в других местах, особенно в регионах, где враждебность на этническо-религиозной почве не так резко выражена, как это было на Балканах.

4. Minsk-II provides safe access, delivery, storage and distribution of humanitarian aid to the needy, based on an international mechanism. The United Nations can play this role. It has been doing so to a limited degree, but not enough. The reason for that is that international civil servants fear embroilment. It just needs courage.

4. «Минск-II» предусматривает обеспечение безопасного доступа, доставки, хранения и распределения гуманитарной помощи нуждающимся на основе международного механизма. В этой роли может выступить ООН. ООН уже делает это в определенной степени, но этого недостаточно. Причина состоит в том, что международные должностные лица боятся волнений. Просто необходимо проявить мужество.

5. The warring parties agreed to refine the modalities of a full restoration of social and economic connections, including social transfers, such as payments of pensions and other payments (income and revenue, timely payment of communal bills, restoration of tax payments). Again, this can be done. It's just technical. It needs tax, fiscal and revenue experts. The United Nations is replete with such people. Their expertise can and should be put to good use.

5. Конфликтующие стороны договорились определить модальности полного восстановления социально-экономических связей, включая социальные переводы, такие как выплата пенсий и иные выплаты (поступления и доходы, своевременная оплата всех коммунальных счетов, возобновление налогообложения). И это может быть выполнено. Это просто технический момент. Здесь нужны специалисты по налогообложению и финансам. В ООН достаточно таких специалистов. Их опыт и знания могут и должны быть использованы во благо.

6. Minsk-II agreed that questions related to local elections would be discussed and agreed upon with representatives of particular districts of Donetsk and Luhansk oblasts in the framework of the Trilateral Contact Group. Elections would be held in accordance with relevant OSCE standards and monitored by OSCE and ODIHR.

6. Согласно «Минск-II», вопросы, касающиеся местных выборов, будут обсуждаться и согласовываться с представителями отдельных районов Донецкой и Луганской областей в рамках Трехсторонней Контактной группы. Выборы будут проведены с соблюдением соответствующих стандартов ОБСЕ при мониторинге со стороны БДИПЧ ОБСЕ.

7. The parties have also agreed to intensify the work of the Trilateral Contact Group, including through the establishment of working groups on the

7. Стороны также договорились интенсифицировать деятельность Трехсторонней контактной группы, в том числе путем создания

implementation of the Minsk agreements. This work, naturally undertaken through a multilateral organisation such as the United Nations, will be conducted by a group of officials reflecting the composition of the Trilateral Contact Group. The excellent work of OSCE in coordinating the ongoing efforts of the Trilateral Contact Group must be expanded and built upon, and this is a role for the United Nations. It is heartening to see that the Trilateral Contact Group continues its activities and meetings in a constructive and impartial strategy to preserve long-term peace and achieve and implement the principles of justice and humanitarian rights that all members of the United Nations rightly aspire to.

Political events often have long lead-in times before their full consequences are understood. The collapse of the Cold War political order was one such event. The eventual rearmament of Russia, a resource-rich nation and one of the largest countries on earth, with the benefit of hindsight was inevitable and all of those, this author included, who did not anticipate it earlier might now feel somewhat abashed. Nevertheless it is a reality we all must face. We no longer have the certainties of the Cold War, but we do maintain its dangers after an illusory period of apparent monopolistic security. Understanding this confounding reality may be the key to defusing the contemporary European crisis. Where one frozen conflict can be unravelled through confidence-building measures, so might many others. The United Nations has a massive amount to do, and it requires ambitious and brave leadership. It has it. Let the work begin.

рабочих групп по выполнению соответствующих аспектов Минских соглашений. Эта работа, проводимая, естественно, через многостороннюю организацию, такую как ООН, будет вестись группой официальных лиц, состав которой будет отражать состав Трехсторонней контактной группы. Прекрасная работа ОБСЕ по координации текущих мероприятий Трехсторонней контактной группы должна развиваться и расширяться, и это функция ООН. Мы с воодушевлением наблюдаем за тем, как Трехсторонняя контактная группа продолжает свою деятельность и проводит совещания в конструктивной и беспристрастной манере, следуя стратегии сохранения долгосрочного мира и принципам справедливости и прав человека, к которым должным образом стремятся все члены ООН.

У политических событий зачастую бывают длительные подготовительные периоды, предшествующие полному осознанию всех их последствий. Одним из таких событий стал развал политического порядка Холодной войны. Оглядываясь назад, можно сказать, что потенциальное перевооружение России – одной из самых крупных и богатых ресурсами стран мира - было неизбежным, и те, кто не ждал этого раньше (включая и автора данной статьи), сейчас могут пребывать в замешательстве. Однако, это действительность, перед лицом которой мы все сейчас стоим. Больше нет той определенности, которая имела во времена Холодной войны, но мы помним о ее опасностях после иллюзорного периода видимой монополистической безопасности. Понимание этой ставящей в тупик действительности может стать ключом к ослаблению кризисного состояния в Европе. Если посредством мер по формированию доверия может быть разрешен один замороженный конфликт, то могут и многие другие. Организации

Объединенных Наций предстоит проделать огромную работу, а это требует амбициозного и смелого руководства. И оно у нее есть. Пора начинать работать!

++++++

Matthew Parish is a former UN peacekeeper in the Balkans and formerly served as Legal Counsel at the International Bank for Reconstruction and Development in Washington, DC. He is the Managing Partner of the Gentium Law Group in Geneva, and formerly served as Chief Political Advisor to Vuk Jeremic in the selection process to become the next UN Secretary General in 2016. Mr Jeremic came second. Matthew is now a key political supporter of the Secretary General-elect, Antonio Guterres.

www.gentiumlaw.com

www.matthewparish.com

++++++

Мэтью Пэриш – бывший участник миротворческой миссии ООН на Балканах, ранее работавший юристом Международного Банка Реконструкции и Развития в Вашингтоне (округ Колумбия). Он является Управляющим партнером «Джентиум Ло Груп» в Женеве, а ранее работал Главным советником по политическим вопросам Вука Еремича на выборах Генерального секретаря ООН в 2016 году. Г-н Еремич занял второе место. Сейчас Мэтью выступает основным политическим сторонником избранного Генерального секретаря Антониу Гутерреша.

www.gentiumlaw.com

www.matthewparish.com